

## ПОДВИГ ФЕДОРА СПАХОВА

*Д.А. Рыбалкина, студентка*

*Красногорского филиала*



Историю героического подвига прадедушки Спахова Федора Яковлевича, я знаю со слов родственников и из исторических материалов. Прадедушка, родился 25 января 1921 года. Советский танкист, капитан, Герой Советского Союза, получил это звание 10 апреля 1945 года.

Родился он в селе Николаевка Бобровского уезда Воронежской губернии. Жил в обыкновенной крестьянской семье. После окончания пяти классов работал на Воронежском паровозоремонтном заводе слесарем. Вступил в ряды Красной Армии в 1941 году.

Сначала прадедушка обучался в Горьковском танковом училище, а после 1942 года служил в действующей армии. Являлся командиром роты 13-й гвардейской танковой бригады 4-го гвардейского танкового корпуса. Участвовал в боях за освобождение Кантемировки, в боях под Донбассом.

За захват и удержание моста через реку Вислок был представлен маршалом И. С. Коневым к званию Героя Советского Союза. В сентябре 1944 года прадедушка особо отличился во время проведения Восточно-Карпатской стратегической наступательной операции (8 сентября – 28 октября 1944 года). При наступлении наших войск в Карпатах возникла острейшая необходимость любой ценой захватить мост через реку Вислок (Польша). Это было единственное место, где можно переправить танки. Эту задачу – поручили моему прадедушке. Задачу ставил лично командующий фронтом Маршал Советского Союза И.С. Конев.

Для выполнения задачи прадедушка решил взять три танка и десант автоматчиков. Танки выдвинулись в путь и вскоре достигли полосы вражеских укреплений. Смелым и решительным маневром танки рванулись вперед, сменяя всё на своём пути, и успешно преодолели первую линию обороны противника. Не давая противнику опомниться, смело двинулись к мосту. Прадед лично открыл огонь со своего танка по противотанковым пушкам и пехоте противника, прикрывая мост, отправил десант,

приказав обойти мост слева и справа, а двум танкам своей роты приказал на полном ходу, ведя огонь, ринуться на мост, выйти на южный берег реки Вислок и там подавить сопротивление противника. В непосредственной близости к мосту противнику удалось подбить два танка. С одним уцелевшим танком и десятком автоматчиков, уже будучи сам ранен, мой прадед продолжал удерживать мост. В течение 7 часов он в чрезвычайно тяжёлой обстановке, имея в своём тылу пехоту противника, в ночное время удерживал переправу, отбивая яростный натиск гитлеровцев, до подхода подкрепления. Таким образом, была спасена эта единственная переправа, через которую потом прошли наши главные силы. Узнав о подвиге танкистов, И. С. Конев представил командира Федора Спахова к званию Героя Советского Союза.

Прадед был неоднократно ранен. С 1947 года – капитан в запасе. В радостные и трудные послевоенные годы поселился в Анне – посёлке городского типа Воронежской области России. У прадеда много наград, которыми я горжусь: орден Красного Знамени, орден Отечественной войны I степени, орден Красной Звезды.

В его родном селе Николаевка одна из центральных улиц носит имя Спахова. Умер мой героический прадед в 1972 году, похоронен в родном селе, где ему возведён памятник Славы.

Я горжусь своим прадедом и его подвигом!

## **НИКТО НЕ ЗАБЫТ!**

*В.А. Михайлова,  
студентка Наро-Фоминского филиала*

Взрывы, голод, смерти,  
Таковым был быт.  
И хоть ослабло тело,  
но дух их не разбит!

Шли годы все быстрее,  
И след давно зарыт-  
Но ничто не забыто,  
И никто не забыт!

Слушая о жизни их,  
Сердце защежит.-  
Рискуя своей жизнью,  
Прадед защитит!

Пусть не все уж помнят,  
Пусть кто-то и молчит,  
Но ничто не забыто,  
И никто не забыт!

Помню Я, как прадедушка помнит,  
Как наш враг был изжит-  
И ничто не забыто,  
И никто не забыт!

## БЕЗЫМЯННЫЕ ГЕРОИ

*О. Сабер,  
студентка Рuzского филиала*

Каждый раз, смотря документальные фильмы, меня бросает в ужас от осознания того, какие злодеяния творились во время войны. Без угрызения совести немецкие солдаты творили дикие вещи, которые даже животным не свойственны, настолько бесчеловечны были их поступки. Эта война, оставила глубокую рану в душах всех, кто её пережил. И из чувства долга и гордости за людей, которые воевали, мы должны всегда чтить их память. Как бы эта рана не болела, мы должны помнить, что это часть нашей истории, и если мы про нее забудем, то больше не имеем право находиться на земле, за которую костями легли наши люди, родственники, предки...

Смотря в будущее, мы волей неволей отчасти испытываем неприязнь к немецкому народу, но ненужно забывать, что их согласия на войну никто не спрашивал, и не бывает плохой нации, бывают плохие люди. Много немцев перешли на нашу сторону и стали антифашистами. Такими людьми были мои прадедушка и прабабушка.

Не смотря на все вышеперечисленное, они сражались бок о бок с русскими солдатами против тех, кому было безразлично на своих людей в том числе. Да, они не воевали, не держали автомат в руке, но работали на производстве оружия, и, если бы не они, возможно кто-нибудь из советских солдат остался бы без автомата или патронов. Считать незначительным их вклад, это просто обесценивание и неуважение, так как заводы по изготовлению оружия были больше всего подвержены атаке. Каждый день мои родные подвергали свою жизнь такой же опасностью, как и остальные. Обычные рабочие так же заслуживают почёта и огласке, они вносили большой вклад в победу нашей страны, рискуя своими жизнями.

В заключении я хотела бы подытожить, что в войне, самое главное суметь сохранить свою человечность, и не уподобиться врагам, даже несмотря на тот кошмар, который происходил, нельзя опускаться до того же уровня.

Мои прабабушка и прадедушка, смогли сохранить человечность, и выбрать правильную сторону, и я с уверенностью могу сказать - что я ими горжусь.

*А.С. Казеннова,  
студентка Егорьевского филиала*

Давайте вспомним!  
В День Победы,  
Тот подвиг, совершённый дедом.  
Сквозь пот и кровь,  
Мороз и пламя  
Был поднят  
Над всем миром знамя!

Давайте вспомним  
Тех людей,  
Что, не щадя себя, сражались  
На поле брани  
И в тылу.  
А те, кто смог,  
Те возвращались!

Давайте помнить  
Эту жертву,  
Что ради нас  
Они отдали  
Друзей, родных  
И просто жизнь,  
Чтоб мы сейчас  
Спокойно спали!

Нам нужно помнить  
Для себя!  
Чтоб знали мы, кто мы такие.  
Никто не должен  
Быть забыт,  
Ничто забыто  
Быть не в праве.  
И пусть и дальше  
Над страной  
Взлетает ввысь  
Победы знамя!!!

## ИСТОРИЯ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ

*Т. Петаева,  
студентка Мещерского филиала*

История войны глубоко вошла в историю моей семьи, как и в историю миллионов других. Эта трагедия, перевернувшая жизни и сломавшая судьбы, оставила неизгладимый след в памяти нескольких поколений, сформировав ценности и взгляды на жизнь.

Мой прадед, Иван Дмитриевич, был обычным рабочим, жил в Смоленске. С началом войны его призвали на фронт. Он ушел, оставив позади мирную жизнь, и вступил в ряды защитников Родины.

О его боевом пути известно немного. Семейные рассказы, обрывки воспоминаний - вот и всё что осталось. Прадед воевал под Москвой, участвовал в тяжёлых боях. Ранен был несколько раз, но каждый раз возвращался в строй. Его письма с фронта были редкими, но в каждом из них - надежда на скорую победу и тоска по семье. В одном из последних писем он писал, что мечтает вернуться домой и снова проводить время с семьёй.

Прабабушка, оставшись одна, пережила страшные годы оккупации. Голод, холод, страх - это лишь малая часть того, что ей пришлось вынести. Она работала на немцев, чтобы остаться в живых. Вспоминала, как однажды спрятала раненого советского солдата, за что могла поплатиться жизнью.

После войны прадед вернулся домой, но уже другим человеком. Война оставила глубокие раны в его душе. Он мало рассказывал о фронте, старался забыть те страшные годы. Но в его глазах всегда читалась боль и печаль. Ему было тяжело возвращаться к мирной жизни, заново строить разрушенное хозяйство.

Моя бабушка вспоминала, как любил прадедушка сидеть у окна и смотреть вдаль, словно ища что-то потерянное. Она рассказывала, что война научила его ценить каждый миг жизни, дорожить семьёй и мирным небом над головой. Эти ценности он передал своим детям и внукам.

Ещё один член моей семьи, внёсший свой вклад в Победу - мой второй прадед, Николай. Он был ещё юным, когда началась война. Его не призвали на фронт, но он работал на заводе, который выпускал танки. Трудясь, день и ночь, отдавал все силы для фронта, для победы. Всегда говорил, что каждый его вклад, каждая деталь, сделанная им, приближала победу.

История войны в моей семье - это не только история потерь и страданий, но и история мужества, стойкости и любви к Родине. Это история о том, как обычные люди, оказавшись в экстремальных условиях, проявили героизм и самоотверженность. Эта история передаётся из поколения в поколение, напоминая нам о цене мира и важности сохранения памяти о тех страшных годах. Она учит нас ценить жизнь, Любить Родину и делать всё возможное, чтобы подобная трагедия никогда не повторилась. И глядя на

старые фотографии и награды, я понимаю, что история моей семьи- это часть большой истории нашей страны, истории, которую мы обязаны помнить и чтить.

\*\*\*\*\*

*А.А. Романова,  
студентка Шатурского филиала*

В дыму сражений, в памяти глухой,  
Живут солдаты той войны лихой.  
Всплывают лица, крики, взрывы, стон,  
И пепел деревень, как вечный сон.

Вот блиндаж тесный, друга силуэт,  
И тихий шепот довоенных лет.  
В глазах усталых плещется река,  
Где юность их осталась на века.

В земле сырой, под небом грозовым,  
Они сражались, жертвуя своим.  
И каждый шрам – как летопись боев,  
Как эхо павших братьев и отцов.

И пусть года летят неумолимо,  
Но боль тех ран останется незримо.  
Они уходят, но в сердцах людей  
Горит огонь побед, минувших дней.

Их подвиг вечен, слава не умрет,  
Пока жива земля и небосвод.  
Герои спят, но помнит их страна,  
Во имя жизни бились до конца.

*А.С. Казеннова,  
студентка Егорьевского филиала*

Стоит на коленях  
Наш батальон.  
Стоит на коленях  
не побеждён!  
Стоит на коленях  
И молится тихо в сердцах  
Сейчас снова в бой!  
Идти до конца!  
Стоят на коленях  
В грязи мужики  
И молятся Богу!  
Чтоб не подвели.  
Чтоб дал Бог отвагу  
И веру им дал  
Чтоб не было стыдно  
Нашим дедам!  
Стоят на коленях,  
Молитву шепча  
И просят у Бога  
Не для себя!  
Не просят мужчины  
Покоя и сон.  
Хотя без него  
Живёт батальон!  
Не просит  
Уюта или тепла,  
Молитва его  
Не про себя!  
Молитву читая  
Прощенья прося,  
За то, что он сделал  
В жизни любя.  
Прощенья он просит  
У Бога за то,  
Что мать его дома  
Плачет давно!  
Что батя не спит  
Почти каждый день,  
Жена одна в доме  
Похожа на тень!

Не хочет мужчина  
Тревожить семью  
Пусть лучше живут!  
А их снова в бой.  
В атаку зовут!  
И в каждом надежда  
И вера живёт,  
Что он всё дотерпит  
Он доживёт!  
И каждый вернётся  
В родные края.  
С достоинством, честью,  
И веру храня!  
Вернётся домой  
Живой, в орденах  
И будет героем  
В наших глазах!  
Но это потом!  
А сейчас.  
Стоит на коленях  
Наш батальон.  
Стоит на коленях  
Он не побеждён.  
И нет такой силы  
Способной сломить.  
Им русский дух  
Не победить!

## ИСТОРИЯ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ

*М. Филатова,  
студентка Мещерского филиала*

Хочу поделиться историей моего прадеда, Фёдора Тимофеевича Титоренко, человека, чья жизнь ярко демонстрирует сочетание отваги и мастерства. В составе первого Белорусского фронта он занимал ответственную должность оружейного мастера, требующую не только глубоких профессиональных знаний, но и способностей действовать решительно в экстремальных ситуациях. Его профессиональная деятельность имела исключительное значение, поскольку от мастера оружейников напрямую зависела точность и мощь артиллерийского удара, что в решающей степени определяла исход боевых столкновений.

В годы Великой Отечественной войны Фёдор Тимофеевич продемонстрировал исключительное мужество и боевые качества, заслужив признание руководства фронта и получив ряд наград. Среди них особо выделяются медали «За Отвагу» и «За боевые заслуги», которые стали символом его героического подвига и значительного вклада в победу. Его участие в каждом боевом столкновении не только выявляла его физическую мощь, но и демонстрировала способность к эффективной командной работе, что является важным показателем его профессионализма.

После окончания войны Фёдор Тимофеевич вернулся домой. Вся его семья с нетерпением ждала его возвращения, испытывая огромные переживания за его судьбу. Несмотря на все ужасы войны, он вернулся без ранений, что стало настоящим чудом для его близких. Восстановление послевоенной жизни стало для него новым этапом, где он продолжал делиться своими знаниями и опытом, воспитывая следующее поколение.

Таким образом, история моего прадеда - это не просто рассказ о человеке, прошедший через войну. Это история о смелости, профессионализме и о том, как важна поддержка семьи в самые трудные времена. Фёдор Тимофеевич Титоренко стал для нас символом стойкости и мужества. О чём стоит помнить и гордиться.

## СТАРЫЕ РАНЫ

*В.М. Котовский*  
*преподаватель Наро-Фоминского филиала*

Не спится Фёдору. Осколок жжёт в груди –  
Чуть пошевелится, и Фёдора разбудит!..  
Не усыпить его, сколь тело не труди,  
А летом ночь долга – их сколько впереди? –  
И – не утешиться, что после тьмы убудет...

Он уж во тьме бывал, ни зги в ней не видать –  
После ранения был в коме две недели –  
Запомнил: вспышка, боль! Секунды три страдать,  
Винтовку крепко сжать, врагу чтоб не отдать!  
А после медики о нём все дни радели...

Сказали: бредил он, Лукерью свою звал,  
Хрипя, выплёвывал вонючие ошмётки!..  
А по товарищам из взвода тосковал,  
И их бить врага сквозь грёзы призывал,  
Бинты с себя срывал, как будто те – обмотки!..

Однако, выдюжил, в свой взвод вернулся, в бой  
Другому взводному их поднимать досталось...  
Осколок Фёдор, что ж, всегда носил с собой,  
Два раза ранен был – не совладать с судьбой,  
Но, верно, Бог помог, и жизнь ему осталась...

Молилась Лушенька, знал наизусть Псалом...  
Вернулся: дом, жена, дочь с сыном, труд в колхозе...  
Теперь – бессонница, и думы о былом...  
И раны старые – не завязать узлом!..  
Оставят, верно, уж, когда почует в Бозе.

## ВЕСТОЧКА ДОМОЙ

*С.А. Шкарёва,  
студентка Егорьевского филиала*

– Же-енька, ну ты идешь или нет? Я тебя долго ждать буду? – юношеский голос раздался в небольшом помещении вместе со скрипом старой двери.

– Да иду, Кость, иду, последние строчки дописываю.

Константин подошел ближе к другу, рассматривая небрежный почерк на слегка потрепанной бумажке.

– Домой пишешь?

– Ага. Уж не знаю, доставят или нет, но понадеяться можно. Я же как ушел, ни одного письма сестрице с мамой не написал.

В ответ послышался только вздох.

– Ладно, дописывай. Нам пора уже.

Через пару минут Женя сложил письмо в аккуратный треугольник, откладывая его на небольшой стол.

– Потом отдам.

В тот же момент дверь открылась вновь, в проеме показалась высокая фигура командира отряда. Мужчина смерил мальчишек строгим взглядом, замечая на плече Кости сумку.

– И куда вы собрались, товарищи? Одни на задание?

Оба уверенно кивнули.

– Так точно, товарищ командир!

– Энтузиазма бы поубавили. Оба зеленые еще, чтобы одним ходить, — голос командира звучал недовольно, даже несколько раздраженно. – Я же ясно сказал дожидаться кого-то из старших.

Мальчики стушевались, но Костя нашел силы сказать:

– Товарищ командир, ваш приказ был понят, но время возвращения остальных никто точно не знает, и задание несложное. Мы никогда еще вас не подводили!

– Так точно, товарищ командир! – согласился Евгений.

Мужчина понимал, что план хочешь - не хочешь, а надо выполнять, да и сроки уже поджимали. Времени на то, чтобы долго думать тоже не было.

– Ну смотри, Коломейцев, — командир все так же строго глянул на Константина. – не справитесь – сюда уже вряд ли вернетесь, еще и нас угробите.

– Никак нет, товарищ командир! – мальчишки сказали хором. – все будет выполнено в лучшем виде, – сказал уже Женя.

Помолчав с минуту, мужчина вздохнул, махнув рукой.

– Идите. И делайте все как положено. Свободны.

\*\*\*

Теплое апрельское солнце освещало уже полностью зацветший лес, кругом стояла напряженная тишина. Даже птицы не пели – единственное, что слышали мальчишки – звук собственных шагов по земле и шуршание одежды. Воздух был наполнен смесью различных запахов – от чего-то горелого до свежей травы. И запах этот только усиливал молчаливое напряжение.

– Женька, тебе сколько лет-то? Сколько дружим, а не спрошу никак, — тихо заговорил Костя, желая хоть сколько-нибудь разбавить обстановку.

– Пятнадцать.

– Мелкий же еще совсем как ты вообще сюда попал?

Женя хмыкнул, пожимая плечами.

– У меня, быть может, отличное актерское мастерство. И выгляжу я постарше, чем есть.

Костя хмыкнул, поправляя сумку.

– А ты прямо-таки хороший актер, Женихов?

Тот улыбнулся. Не то искренне, не то с легкой, едва различимой тоской.

– А то. Я, между прочим, хотел в театральный институт поступить.

Мертвая тишина восстановилась, оба замолчали. Почему-то от этих слов сделалось еще тоскливее. Но раскисать было нельзя. Не здесь, ни сейчас, никогда либо.

– Поступишь еще, – в надежде поддержать вкрадчиво сказал Костя.

Женихов взглянул на товарища, искренне удивившись.

– Думаешь? – слова эти прозвучали почти шепотом.

– Конечно, – кивнул Коломейцев. – вот как закончит наша армия-освободительница войну проклятую, отстроим все, как было. И обязательно поступишь.

Женя потупил взгляд, пиная маленький камень под ногами. Хотелось сказать что-нибудь, ответить, но слова застревали в горле. Так, путь продолжился в той же тиши.

Как начало смеркаться, мальчишки остановились. До этого напряженная тишина становилась гнетущей. Листья не шелестели, ветер не гулял меж стройных деревьев. Даже собственное дыхание казалось слишком громким, замирая на любой неожиданный треск или стук.

– Кость? – даже шепот звучал громче, чем обычно.

После вопросительного жеста головой Женя продолжил.

– Как ты думаешь, мы еще пройдем по этим местам когда-нибудь?

Оба понимали, что тот имеет в виду. Останутся ли они живы? Что будет с ними, с отрядом, с лесом, по которому они сейчас идут? И к сожалению, ответов на эти вопросы не было.

Константин молчал. Он и не знал, что ответить, да и варианты, приходящие в голову, не были слишком жизнеутверждающими. Коломейцев лишь взглянул товарищу в глаза, стараясь дать тому понять все без слов.

И Женя понял. Опустив глаза, он нахмурился. Отчего-то тоска и страх в один момент превратились в злобу. На врага, на себя, на удручающую неизвестность.

Не сильно думая, что делает, Женихов раздавил жука, ползущего по земле. Не понимая даже, зачем. Заметив это, Костя нахмурился, подходя ближе.

– Ну и что ты делаешь? – голос его звучал несколько раздраженно.

Евгений поднял на того непонимающий, но недовольный взгляд.

– Думаешь, ему не больно? Он тоже живой, между прочим. Как и ты. И все, что нас окружает.

Женя продолжал молчать, негодуя косясь на товарища.

– Что, в фашисты готовишься заделаться? – на такие резкие слова морщина между бровями Женихова разгладилась. – Только они не виновных бьют. Таким же стать захотел?!

Тому сказать было нечего. От слов Коломейцева стало стыдно, что так легко поддался эмоциям. Недостойно это.

– Мы должны созидать, а не уничтожать. И способствовать этому же, – взгляд Кости смягчился, видя стыдливое смущение на лице товарища.

Мальчики молча переглянулись, вслушиваясь во все ту же тишину. Теперь она уже не казалась той, к которой оба привыкли.

Где-то вдалеке послышалась неродная речь.

\*\*\*

– Товарищ Глушко, не могу я больше так! Неужели не найдется мне другой работы?

Женский голос прозвучал в душном помещении почты изнеможено.

– Не могу я больше чужие трагедии разносить, – добавила она, поправляя на плече сумку.

– Товарищ Женихова, кто, если не вы, скажите на милость? – голос заведующего звучал твердо, но с ноткой сострадания. – Вас в окрестных деревнях как родную знают. А вот как «похоронку» примут от другого человека – загадка.

Девушка кивнула ступеневшись.

– Арина, поймите. Лучше вас на эту должность найти здесь некого.

Загрузив сумку бумажными треугольниками, Арина направилась разносить почту в первую деревню. Несмотря на то, что уже начался сентябрь месяц, солнце все еще палило, не давая лету уступить золотой осени. Тихие шаги по песчаной тропинке и пение птиц, запах пыли и скошенной травы – все это создавало спокойную, но не умиротворенную атмосферу. Скорее будто затишье перед бурей.

Вскоре, подойдя к первому дому, почтальон постучал о калитку несколько раз. Никто не открыл. Еще раз – тишина. Пожав плечами, Арина продолжила свою дорогу, раздавая жителям письма – как назло, все были горестными. То было хорошо видно по лицам адресатов.

Завидев невысокую, старую женщину на улице, Женихова подошла к ней, вежливо кивая.

– Прошу прощения, можно вас спросить?

Старушка взглянула на нее по-доброму, кивая в ответ.

– Конечно, доченька, спрашивай.

– Вы не знаете, где гражданка Коломейцева? Стучу, стучу, не открывает никто...

Женщина подумала, после чего вздохнула.

– Николавна, что ли? Она как внучок ее в партизаны ушел, совсем с ума сошла от горя. Померла уж недели две как.

Арина никак не поменялась в лице, но в душе осело липкое неприятное чувство. Несмотря на летнюю жару, ей стало холодно, по коже пробежали мурашки.

– Мне жаль.

Продолжив свой путь, девушка никак не могла отделаться от горького ощущения, что тугим узлом скрутилось в животе. Птицы все так же тихо пели, поднялся легкий освежающий ветерок. Сумка со временем становилась все легче и легче, а вскоре на дне осталось лишь два письма. Удивительно, адресованных ее маме.

«Неужели Женька?» - подумала Арина, разворачивая первая немного дрожащими руками.

В первом письме мальчишка писал про то, с какими хорошими людьми познакомился, про друга Костю, про строгого командира Смирнова. На лице появилась легкая улыбка, даже тревога, кажется, начала отступать.

– Женька, ну дурак ... – тихо усмехнулась Женихова, вчитываясь в мальчишеские неаккуратные буквы.

Открыв следующее письмо, она надеялась прочитать нечто схожее, поэтому стоило ее глазам пробежаться по листу бумаги, ужас окатил ее,

будто ушат холодной воды, тугой узел тревоги, близкой к страху закрутился еще хуже.

Знакомую форму Арина узнала сразу.

«Женихов Евгений Петрович, в бою за социалистическое отечество, верный военной присяге, проявив геройство и мужество был ранен и умер от ран.

## СОЧИНЕНИЕ ПРО МОЕГО ДЕДА

*С.А. Осипова,  
студентка Пушкинского филиала*

В этом году - 80 лет со дня окончания Великой Отечественной войны. Это были трудные, голодные и страшные годы, но несмотря на все испытания, русские люди, сплотившись, выиграли эту войну. Многие люди уходили добровольцами на фронт. Уходили и старики, и подростки, и дети, женщины.

Мой дедушка, Осипов Вячеслав Владимирович, в 17 лет тоже решил уйти добровольцем на фронт, но так как у него было среднее образование, то его отправили в учебную часть, чтобы выучиться на высококвалифицированного специалиста по ремонту и обслуживанию самолетов. По окончании ее, он был отправлен на фронт ремонтировать и готовить самолеты к полетам. Там он служил до окончания войны.

А после войны дедушка остался в Германии в составе военных вооруженных сил для того, чтобы в стране не мог восстановиться фашистский режим. Он прослужил там после войны еще 4 года.

Возвратившись на Родину, дедушка продолжил образование в авиационном институте, а по окончании работал конструктором космических кораблей в Научно-производственном объединении «Энергия» под руководством С.П. Королева.

Я горжусь своим дедом, который внес большой вклад в победу над фашистской Германией, в создание космических кораблей и освоение нашей страной космоса.

## С ДНЁМ ПОБЕДЫ!

*В.М. Котовский,  
преподаватель Наро-Фоминского филиала*

Он «Живый в помощи» всегда с собой носил  
В кармане штопанной три раза гимнастёрки,  
И тайно Вышнего о милости просил,  
Чтоб он не кровью твердь, о потом оросил,  
А после б разложил лук с хлебом на скатёрке...  
Когда в атаку шли, на плотный шквал свинца,  
О разном думалось, но только не об этом:  
Что вот вернётся он, в стакан нальёт винца,  
А после окуней наловит на живца,  
И будет всё это однажды, как тем летом!..  
То лето выдалось – земная благодать,  
Так май июнь сменил незримо и неслышно:  
Зерно в ростки пошло, бычок охоч бодать,  
Будь урожай хорош – не время голодать,  
Однако вон ведь как двадцать второго вышло...  
Был трижды ранен он, но всё его – при нём,  
И руки целые, и голова, и ноги,  
А что спина болит, так ночью, а не днём,  
Но что утеряно – по совести вернём,  
Не остановимся никак на полдороги!..  
Война окончена!.. Жена, два сына, мать  
Кормильца встретили, и, слёзы не скрывая,  
Зашлись от радости – пока не вспоминать,  
Что пережить пришлось, а после – вспомнив, знать,  
Какой ценой оно досталось, счастье мая.

## ТРУСИХА

*А.Н.Кондрашкин,  
преподаватель Сергиево-Посадского филиала*

Я росла незаметной и тихой,  
Легким облачком летнего дня,  
Но дразнили меня все трусихой  
И соседи мои, и родня.  
Называли меня недотрогой,  
Говорили мне: "Будь посмелей!"  
Я ж боялась всего понемногу -  
Пауков, темноты и мышей.  
Есть слова, что унылы и хмуры,  
Есть слова, что остры, как кинжал.  
И соседки сынок, тети Шуры  
Больше всех меня обижал.  
Этот Колька нахальный очень,  
В конопушках весь до ушей.  
Говорил, что забросит ночью,  
Через форточку пару мышей.  
Ночь не спать и реветь - обидно.  
От мальчишки обидней вдвойне.  
Он потом передумал, видно,  
И сказал, что поможет мне.  
Не такой уж плохой он, Колька,  
Хоть и любит слегка приврать.  
Сколько дней он потратил... Сколько,  
Чтобы смелой смогла я стать?  
Мне сажал паука на ладошку,  
На холодную словно лед.  
Говорил: "Это страшно немножко,  
В первый раз... А потом пройдет."  
Не прошло... Только он упрямо  
Каждый день проводил со мной.  
И тихонько смеялась мама,  
И качала все головой.  
Говорила: "Не много, крошка,  
С пауками дружить ума.  
Ты сперва подрасти немножко  
И тогда все поймешь сама.  
Нужно времени чуть, и зрелость  
Объяснение даст свое -  
И откуда берется смелость,  
И куда применить ее."  
Детство, школа, друзья и подружки,  
И не страшно расти и взрослеть.  
Только Колькины конопушки  
Время, видно, не в силах стереть.  
Страхов детских исчезло столько...  
Да к чему их теперь считать?  
Он ведь парень хороший, Колька,

Только любит слегка приврать.  
А у речки тепло и тихо.  
И туман в предрассветный час.  
Обнимал и шептал: "Трусиха!  
Это страшно лишь в первый раз..."  
Отстранилась и гордо встала,  
И платок подняла с земли.  
Потому что всегда мечтала  
О большой неземной любви.  
Рассмеялся в ответ без злобы  
И сказал, что готов со мной,  
Если ждать - только вместе чтобы,  
Этой самой вот... Неземной.  
Солнце тихо вставало с краю  
От непаханой целины.  
Мы дождались бы, точно знаю,  
Если б не было той войны.  
Марш военный и гари запах,  
Шумный, словно живой перрон,  
От которого шел на запад  
С добровольцами эшелон.  
Целовал на прощанье звонко,  
Говорил мне: "Гляди веселей!.."  
А потом пришла похоронка  
Тете Шуре, соседке моей.  
Где смогла отыскать я силы,  
Чтобы эту ночь пережить.  
Но к утру я сама решила,  
Что должна я была решить.  
Дым махорки висит в каптерке,  
Но привыкла - глаза не ест.  
Две косички на гимнастерке,  
Юбка, сумка и красный крест.  
Не смущает совсем, ни грамма  
Старшины беспристрастный взгляд,  
Мат сквозь зубы про "эту маму"  
И какой-то там детский сад.  
Нет, не надо так. Не пристало.  
Просто здесь на полях войны,  
От солдата до генерала  
Перед смертью мы все равны.  
Первый бой... Он войной отмерян,  
Он еще безупречно чист.  
И припав головой к коленям,  
Я тряслась, как осенний лист.  
Артиллерии канонада  
Разрывала земную твердь.  
Дно окопа... Ведь где-то рядом  
Боль, страдание, кровь и смерть.  
Вдруг как будто басок известный:  
"Просто, девочка, здесь война..."  
Хоть по замыслу - гром небесный,

Но по голосу - старшина.  
"Ох и жаркая нынче ночь,  
От огня будто днем светло...  
Так что ты не тушуйся, дочка,  
В первый раз и меня трясло.  
От солдата до генерала  
Никого не минует страх..."  
Отпустило... Поднялась, встала.  
Вот и сумка уже в руках.  
Дно траншеи - на кочке кочка,  
Под огнем нелегко идти,  
Но старшинское это "Дочка..."  
Словно грело меня в пути.  
Снова слышно: "Беречь патроны!"  
Не ко мне... Но и я в строю.  
Для меня теперь боль и стоны  
Указатели в том бою.  
Оттащила троих в избенку,  
Где теперь медсанбат у нас.  
Мне же к "Дочке" еще "Сестренку"  
Прибавляли за часом час.  
За четвертым пошла смелее,  
И бежала за ним почти.  
Что "тяжелый" еще в траншее -  
Я заметила по пути.  
Боя шум воедино слился,  
И заметить мы не смогли.  
Этот "юнкерс", что затаился  
В грозовых облаках вдали.  
Шел на "бреющем" к леса кромке,  
Был спокоен немецкий ас,  
Видно в спину стрелял девчонке  
Он наверно - не в первый раз.  
Обожгло... Замерла и встала.  
Лишь мелькало: "иди к бойцу..."  
И родная земля припала  
Вдруг сама к моему лицу...  
Вот и доктор с лицом бесстрастным,  
И родной его медсанбат,  
Только стал уже темно-красным  
Белоснежный его халат.  
Бой закончен и бой за нами,  
Только нет половины полка.  
Я ловила сухими губами  
Капли, падающие с потолка.  
А для доктора это сраженьё  
Продолжалось... Но воздух набрав,  
Я буквально всего на мгновенье  
Задержала его за рукав.  
Я же знаю, как вы спешите,  
Я одно лишь хочу спросить...  
И на выдохе: "Доктор, простите!"

Лишь скажите мне - буду я жить?"  
Он очки на ходу протирая,  
Тихим голосом, словно без сил,  
Санитарку спросил: "Разрывная?"  
Посмотрел и глаза опустил.  
Поплыло все... Глаза стали влажны,  
Значит - все? И закончился путь?  
Умирать в восемнадцать не страшно,  
Или все-таки страшно чуть-чуть?  
Нет, нельзя так! И веки упрямо  
Сильно сжала с последней мольбой:  
"Ты прости меня, милая мама,  
Я уже не приеду домой..."  
Сердца боль не потушишь слезами,  
А в груди разгорался огонь.  
Улыбнулась одними глазами  
Паучку, что заполз на ладонь...  
...Поздней ночью их проводили,  
В мир покоя и тишины.  
И несли ее к братской могиле,  
Руки сильные старшины.  
Он донес, преклонил колени,  
Наклонился и как свою.  
Положил аккуратно с теми,  
Что в последнем легли бою.  
Постоял, покурил немного,  
Отложив все свои дела.  
"Эх, короткая же дорога  
Фронтная твоя была.  
Но свой бой провела достойно,  
Честно свой отшагала путь.  
Спи уж, дочка, теперь спокойно,  
Дальше сами мы, как-нибудь..."  
Смял пилотку в ладонях потных,  
Вытер пыль на висках седых.  
Рано думать пока о мертвых,  
Надо думать пока о живых.  
И пошел не спеша к землянке  
Средь прибитых к земле осин...  
Шли по полю под утро танки  
С яркой надписью: "На Берлин!"

## СНАЙПЕР

**В.М. Котовский,**  
преподаватель Наро-Фоминского филиала

Ей очень хочется каких-нибудь косметик,  
К себе внимания ей хочется порой,  
Но ничего нельзя: приклад весь из отметин,  
И лёжки «стан» её врагами не замечен,  
Хоть за кустарником не так, как за горой...

С фашистской нечистью – румыны, венгры, немцы –  
Она знакомится, лишь наводя прицел:  
Пожалуй, зорче глаз имеют только ненцы,  
Но ей никак нельзя «выкидывать коленца» –  
Кто незаметнее, то остаётся цел.

Повторным выстрелом себя не обнаружит:  
Она научена – подруга не жива;  
И как орлица, ждёт, и с ветром крепко дружит,  
И если надо, то лежать сумеет в луже,  
И будет так дышать – не всколыхнёт трава...

Бывает холодно, бывает очень жарко,  
Но офицера ей «положено добыть»,  
А то и – снайпера; себя совсем не жалко,  
И целомудренна, как римская весталка,  
А, всё же, первого ей не дано забыть.

Где быть последнему, она ещё не знает,  
Но то, что будет он, уверена она –  
И сотни раз себе о том напоминает,  
Когда наст снежный под собою приминает,  
Что лишь победою закончится война.

Есть на висках её уже седые пряди,  
И тонкой сеткою морщинки в углах глаз,  
Но ей пора идти... Уверенность во взгляде,  
Что это ей дано, а не чужому дяде –  
К укромной лёжке лишь она отыщет лаз

## ПОДОЛЬСКИЕ КУРСАНТЫ

*Н.Д. Байтурин,  
студент Наро-Фоминского филиала*

Две тысячи курсантов.  
Битва за Москву.  
Ефрейторов, сержантов  
В глобальную борьбу.  
Еще вчера пробежки  
И марши строевым.  
Учились мы прилежно  
Законам уставным.  
Девчонка письма пишет,  
Скучает, любит, ждет.  
А мы уж на ученьях  
Готовим свой расчет.  
Но кончилась внезапно  
Гражданка по щелчку.  
И молодых курсантов  
На страшную войну.  
Летали самолеты,  
Бомбили фрицы нас.  
И вот спустя неделю  
Закончился запас.  
Нас оставалась рота.  
Окопы все пусты.  
Пропавшим нету счёта –  
Они давно мертвы.  
Мы знаем, что нам делать,  
Москва за нами, да!  
Должны мы продержаться:  
В Отечестве беда.  
Пусть силы на исходе,  
Но вера в Бога есть.  
Подмога на подходе,  
Мы сохранили честь.  
Прошу прощения, мама,  
Домой я не приду.  
Две тысячи курсантов.  
Битва за Москву.